

- ¹² См.: Дегальцева А. Указ. соч.
- ¹³ См.: Ваулина С., Магдалинская Е. Модальное микрополе необходимости в официально-деловых документах русского и польского языков // Вестн. БФУ им. И. Канта. 2012. № 8. С. 13–17.
- ¹⁴ См.: Дегальцева А. Указ. соч.
- ¹⁵ См.: Золотова Г. Синтаксический словарь : репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988.
- ¹⁶ См.: Кормилицына М. Указ. соч. ; Дегальцева А. Указ. соч.
- ¹⁷ См.: Дегальцева А. Указ. соч.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ См.: Баландина Л., Кураченкова Г. Язык дипломатии : традиции и современность // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. Ростов н/Д, 2011. С. 6–15.
- ²⁰ См.: Дегальцева А. Указ. соч.
- ²¹ См.: Ковтунова И. Современный русский язык : порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- ²² См.: Сиротинина О. Лекции по синтаксису русского языка : учеб. пособие. 3-е изд. М., 2006.
- ²³ Там же. С. 131.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Кормилицына М. Указ. соч. С. 89.

УДК 811.161.1'367.7

УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕЖДОМЕТИЙ В ФУНКЦИИ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В. А. Иванов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
E-mail: vovagkmfc@yandex.ru

В данной статье рассматриваются некоторые случаи употребления русских эмоциональных междометий в позиции и в функции других частей речи.

Ключевые слова: междометия, звукоподражания, транспозиция, репрезентация.

The Use of Interjections as Other Parts of Speech in the Russian Language

V. A. Ivanov

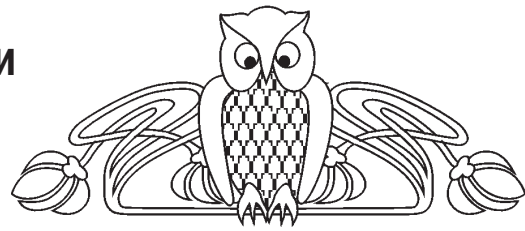
The article considers some cases of Russian emotional interjections being used in the position and function of other parts of speech.

Key words: interjections, onomatopoeic words, transposition, conversion.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-36-41

Проблемы описания междометий

Интерес к русским междометиям возник тогда же, когда и интерес к описанию русского языка вообще: уже в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова мы находим небольшой раздел о «междометиях». Столь же давним является и вопрос о грамматическом статусе междометий: в работах разных исследователей они то включались в состав частей речи русского языка, то приобретали некий особый статус, а то вообще лишались статуса слова и выносились за пределы языка¹. В конечном счете междометия все-таки заняли свое место на периферии лингвистических описаний, однако их частеречный статус по-прежнему не определен². Одна из задач данного исследования – показать наличие внутриязыковых системных связей междометий с другими частями

речи. Сама возможность существования таких связей предполагает, по нашему мнению, признание междометий частью речи.

В академических грамматиках русского языка междометия определяются как неизменяемые слова, выражающие (но не называющие) эмоции или волеизъявления. По происхождению выделяются междометия первообразные (*ах! ох! эй!* и т. п.) и непервообразные (т. е. производные от слов других частей речи, ср.: *батюшки! полно! брось!*)³. Нас будут интересовать прежде всего междометия первообразные, т. е. языковые отражения произвольных реакций человека на внешние раздражители. Эти реакции представляют собой нечленораздельные эмоциональные «выкрики», называемые также звуковыми или вокальными жестами⁴.

Определения, подобные данному выше, являются чрезвычайно нестрогими, и класс междометий оказывается, таким образом, крайне размытым. Это приводит к тому, что на практике в этот класс попадают едва ли не любые сходные с междометиями единицы, которым не находится места в других, более четко определенных классах. Чаще всего «примыкающими» к междометиям в различных описаниях объявляются всевозможные звукоподражания (*кхе-кхе, кря-кря, бац*), глагольные междометия (*глядь, прыг, хватъ*), слова подзыва и отгона животных (*кис-кис, брысь*) и некоторые другие группы.

Попытки преодолеть накопившиеся противоречия в описании междометий и провести «демаркационную линию», отделяющую их от смежных групп, предпринимаются в последнее время в некоторых работах⁵. Однако в большинстве случаев

мы имеем в результате ситуацию, при которой одни и те же единицы оказываются одновременно междометиями и не-междометиями, – а это то, от чего следовало бы уйти в первую очередь.

Одна из причин такого положения дел заключается в следующем. Характерным для междометий считается употребление в так называемой и з о л и р о в а н н о й синтаксической позиции: в качестве эквивалента предложения⁶ (пример 1), вводного или вставного (2, 3) элемента:

(1) *Ах, ах, ах!* Зимою я очень редко видел в оконце чьи-нибудь черные ноги и слышал хруст снега под ними (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

(2) *Поднимаюсь на лифте и – ах!* – попадаю из подвальной тьмы в светящееся фойе (Смысл жизни деда Никодима. Почта: житейские истории (2002) // «Известия», 13.02.2002);

(3) *На Венере, ах, на Венере / Нету слов обидных или властных* (Н. Гумилев. «На далекой звезде Венере...»).

Однако междометия могут употребляться и в так называемых не и з о л и р о в а н н ы х синтаксических позициях: ср., например, употребление в позиции и в функции, характерной для существительного (4), глагола (5) или частицы (6), в качестве «присвязочной» части сказуемого (7) и т. д.:

(4) *Громкое «Ах!»*⁷ заставило его вздрогнуть и оглянуться (Т. Коваленко. Сказка о примирении непримиримых);

(5) *Люди, бывает, идут по лесу и ух в яму торфяную, а там внизу горит все годами и тлеет, ну и жаркое из человека делается...* (Из Интернета);

(6) *Ты вот тихий, а я – ух какой озорник был!* (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина);

(7) *Он вообще красавчик, да и актерский талант у него просто огого!* (Из Интернета).

Один из возможных подходов к описанию таких случаев заключается в том, чтобы свести все подобные употребления междометий к двум крайним случаям: можно считать, что речь идет либо об окказиональных употреблениях междометий, либо об отмеждометной знаменательной лексике типа существительных *ахи* и *охи*, которые как междометия не рассматриваются⁸. В последнем случае можно включать различные употребления в словарь в качестве омонимов, но на практике этого не делается. Так, слова *ох* и *ах* могут склоняться (ср. *аха*, *ахи*, *ахов* и т. д.) как существительные, но при этом редко получают в словарях помету *суц.* В «Грамматическом словаре русского языка» слова *ах*, *ох* охарактеризованы только как междометия, никакой словоизменительный тип им не приписан⁹. В «Словаре современного русского литературного языка» выделяются отдельные значения или подзначения, при которых дается помета в знач. *суц.*¹⁰ В «Словаре русского языка» существительные *ахи* и *охи* даны отдельными входами в форме множественного числа¹¹. Уже эти примеры показывают непоследователь-

ность и отсутствие стандартного подхода при описании междометий.

По нашему мнению, способность употребляться в различных синтаксических позициях, мимикрировать¹² под другие части речи (а иногда и переходить в них) – естественное свойство междометий (и даже некоторого более широкого класса слов), предопределенное природой этих слов. И это свойство должно каким-то образом быть представлено и описано в грамматике. Нам кажется, что в этом случае удобно воспользоваться хорошо разработанными теоретическими понятиями транспозиция и репрезентация, которые поясняются далее.

Междометия в функции других частей речи

Еще К. С. Аксаков замечал, что именно форма, а не содержание указывает слову его место в языке. Так, одно и то же содержание, заключающееся в корне *слав-*, оказывается существительным через форму *слав-а* и глаголом через форму *слав-ить*; именно форма слова должна быть положена в основу деления по частям речи¹³. Бывает, однако, ситуация, когда одна и та же форма может использоваться в позиции и в функции разных частей речи, ср. *дома* – родительный падеж существительного (*у него нет дома*) и наречие (*его нет дома*)¹⁴. Подобное возможно также в случае перехода слова из одной части речи в другую: ср., например, субстантивированные прилагательные в русском языке (*военный* vs. *военный врач*, *военная база*). Прилагательное в данном случае принимает на себя функцию и вместе с тем некоторые грамматические признаки существительного.

Употребление слова одной части речи в позиции и в функции другой части речи обозначается термином транспозиция, введенным в употребление Ш. Балли¹⁵. В случаях, когда процесс транспонирования охватывает весь класс целиком (или, по крайней мере, большую его часть), мы будем также пользоваться термином репрезентация, введенным А. И. Смирницким¹⁶. Так, например, можно говорить о субстантивной репрезентации прилагательных. В некотором предельном случае возможен полный переход в другую часть речи (применительно к прилагательным – полная субстантивация, ср. *военный*, *мороженое*; в отдельных случаях слово теряет при этом возможность употребляться как прилагательное, ср. *лесничий*, *горничная*, *приданое*).

Близкий к предельному случай представляет собой субстантивация таких эмоциональных междометий, как *ах* и *ох*, которые получают склонение и могут употребляться и в позиции подлежащего (8а,б), и в позиции дополнения (9а,б)¹⁷. Например:

(8а) *А тут еще поперли на ум всякие просто лирические ахи и охи, и им тоже надо дать выход* (Ю. Даниэль. Письма из заключения);

(8б) *Громкий «ах» приятеля, скорее всего, насторожил тех, кто был в лесу, и те могли вер-*

нуться обратно (В. Кувшинов. Пасынки зинданов (Мир, которого нет));

(9а) Он вскинул вверх брови изумленными треугольниками, издал негодующий: **ах!** (Е. Замятин. Островитяне);

(9б) В ее письме, полном **ахов** и **охов** по поводу всего с ним случившегося, не было и намека на то, что хоть кто-нибудь справлялся у нее о Вайсе (В. Кожевников. Щит и меч).

Что же касается прочих эмоциональных междометий, то говорить о полном переходе в существительные нельзя. При субстантивации они не склоняются и редко употребляются в позиции дополнения. Согласование с ними чаще идет по среднему роду, как это регулярно имеет место вообще в конструкциях с элементами прямой речи (ср. примеры 11а и 11б), однако возможно и по мужскому роду (ср. пример 10), как в случае с субстантивированными **ах**, **ох** в примерах 8б и 9а. Таким образом, данная модель субстантивации эмоциональных междометий не сводится полностью к конструкциям с элементами прямой речи:

(10) Через пару минут такого времяпрепровождения, после очередного полета моего снаряда, вместо знакомого «бульк!» **послышался громкий «ой!»** и только потом уже «бульк» (А. Ветер. Миледи Трех миров – 3. Тайна Третьего мира);

(11а) Раздается звук скольжения, **громкое «ой-ой!»**, затем мокрый шлепок, и Арман Перрино падает через открытый люк, приземляясь прямо на Билли-боя (К. Мёрк. Пёсий остров);

(11б) Так-то, может, и так, Александр Павлович, но в **стариковское «люблю»** много чего намешано (А. Найман. Любовный интерес).

Хотя в этих случаях междометия не переходят полностью в существительные, а лишь принимают на себя соответствующую синтаксическую функцию, говорить здесь об окказиональных транспозициях междометий было бы неверно. Субстантивироваться по такой модели способны любые эмоциональные междометия и, кроме того, слова других близких групп (*тпру*, *ау*, *бу-бу-бу* и т. п.). Следовательно, субстантивация – это закономерное свойство всего класса междометий в целом. Таким образом, это явление (так же, как в случае с субстантивацией прилагательных) должно находить свое отражение в грамматике (а в предельном случае и в словаре). Это может быть сделано с помощью понятия субстантивной репрезентации, которая должна быть объявлена общим свойством эмоциональных междометий.

Большой интерес представляет употребление междометий в качестве сказуемого. Здесь нужно рассмотреть два случая. Первый представляется хрестоматийным примером: *Татьяна ах! а он реветь...* (А. Пушкин), где междометие (*ах*) выступает как аналог глагола в финитной форме (*ахнула*). Л. В. Щерба полагал здесь *ах* относящимся к *Татьяне* и предлагал считать глаголом¹⁸. Но тогда следовало бы отражать эту информацию в

словаре, т. е. вводить статью для слова *ах* с пометой *глагол*. По нашему мнению, правильнее было бы говорить о вербальной (т. е. глагольной) репрезентации междометий, тем более что подобными тривиальными контекстами¹⁹ данный случай вовсе не исчерпывается. В примерах 12 и 13 междометия *ух*, *ах* уже получают управление, подобное глагольному:

(12) И тут тревога и страх из ее глаз влетели в папины и – **ух!** – **его по голове** (Н. Блохин. Бабушкины стекла);

(13) *Посоветуйте, пожалуйста, романтическое аниме, чтобы прям за душу «ах!»* Прям уже нечего смотреть... (Из Интернета).

Второй случай – употребление междометия в составе сказуемого со связкой *быть* (в настоящем времени это нулевая связка). Обычно такое употребление связано с оценкой предмета, выражаемого подлежащим:

(14) *Ведь предмет просто фу-фу!* Что же он стоит? Кому нужен? (Н. Гоголь. Мертвые души);

(15) *Вы не глядите, что она такая тихая; страсти в ней сильные, и характер тоже ой-ой!* (И. Тургенев. Рудин);

(16) *Матвей Денисович <...> предупредил, что она должна хорошо подготовиться, потому что изыскания будут ой-ой-ой!* (В. Кетлинская. Иначе жить не стоит).

Возможно также употребление в составе сказуемого с ползунаменательным глаголом типа *оказаться*:

(17) *Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что отроду еще не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто: ого-го!* (Н. Гоголь. Мертвые души).

Для нас важно, что оба способа употребления междометий в качестве сказуемого распространяются на все эмоциональные междометия (и даже шире), и мы, таким образом, имеем дело со свойством, характеристикой всего класса, а не с окказиональным употреблением или транспозицией отдельных междометий. В первом случае можно говорить о вербальной (глагольной) репрезентации междометий, во втором – о предикативной репрезентации междометий.

Междометия как часть изобразительной системы языка

Можно заметить, что рассмотренные выше способы употребления в предложении характерны не только для первообразных эмоциональных междометий, но и для некоторых смежных с ними классов слов, таких как междометия сферы волеизъявлений (*эй*, *ау* и т. п.), звукоподражательные междометия (*брр*, *тьфу*, *ха-ха-ха* и т. п.), подражания речи человека (*бу-бу-бу*, *сю-сю-сю* и т. п.), звукам животных (*мяу-мяу* и т. п.), звукам

природы, артефактов и деятельности человека. Общим свойством слов всех этих классов является субстантивная репрезентация:

(18) *Вскоре она скрылась и уже вдали перекликалась с Катериной громким «ау»* (Ю. Жадовская. В стороне от большого света);

(19) *Мяу! – повторил Кот, и это было грозное «мяу», напомнившее Васе, куда и зачем он приехал* (В. Каверин. Верлиока);

(20) *У меня на работе есть старый рыжий кот с объединенными ушами, я зову его – Старик, Рыжий, и он бежит, говорит дрожащий протяжный «мяу», и устраивается на моих коленях, что неудобно ни ему, ни мне* (А. Эфрон. Письма).

Возможность согласования по мужскому роду показывает, что подобные употребления, как и в случае междометий, нельзя свести к конструкциям с элементами прямой речи. Кроме того, в ряде случаев звукоподражательные слова могут получать склонение:

(21) *Прямо из горлышка поправил здоровье на три буля* (А. Погудин. Дневник из Эрлаггола);

(22) *Еленка закусит лукавую губку и ноздри от пыха расширит* (А. Белый. Между двух революций).

Случаи, близкие к полной субстантивации, представлены такими словами, как *чих*, *бульк* и т. п. Они имеют склонение и употребляются как изменяемые существительные, но при этом не теряют свойств звукоподражаний и могут употребляться изолированно:

(23) *Камушек туда бросил – бульк! Чувствую, емкость приличная, подземное озеро* (В. Мясников. Водка);

(24) *После таких переживаний... чих! – чихает папа, – надо подкрепиться. Чих! Укрепить нервную систему. Чих!* (О. Кургузов. Надоело летать! // «Трамвай», 1991).

В словарях такие слова представлены непоследовательно: чаще всего как междометия или звукоподражания, реже как существительные и как предикативы (или с пометой *в знач. сказ.*). Слово *чих*, в отличие от *чих*, исключительно редко употребляется в значении звукоподражательного междометия и практически полностью перешло в разряд существительных, хотя его звукоподражательное происхождение совершенно очевидно.

Широко распространена среди различных звукоподражаний также вербальная репрезентация:

(25) *Вон Кирила Кирилыч... <...> богат, здоровехонек, весь век хи-хи-хи да ха-ха-ха...* (И. Гончаров. Обрыв);

(26) *И пошла работа: котел кипит, вода буль-буль, пар свищет, ужас что делается!* (Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей);

(27) *А там уж чиновник для письма, эдакая крыса, пером только: тр, тр...* (Н. Гоголь. Ревизор).

Разнообразием употреблений характеризуется звукоподражательное междометие *тьфу*: кроме

изолированной позиции (пример 28) возможна субстантивная репрезентация (29), вербальная репрезентация (30), предикативная репрезентация (31). Пример 32 можно рассматривать как фразеологизированное сочетание (*кому-л.*) *тьфу на* (*что-л.*):

(28) *Тьфу! – разозлился старик. – Да вы что, совсем одурели?!* (В. Шукшин. Калина красная);

(29) *Двое окончили философский факультет МГУ и, еще не выйдя на дорогу веры, знали, что искусство – легкомысленное тьфу* (А. Найман. Славный конец бесславных поколений);

(30) *Теперь я на Ландура – тьфу!* (А. Кожевников. Брат океана);

(31) *А эта гордость – тьфу! Плевать я на нее хочу, зачем она? Это гордость глупая, смешная* (А. Писемский. Тысяча душ);

(32) *Тьфу мне на них! Знать я их не хочу!* (А. Писемский. Тысяча душ).

Мы показали, таким образом, что для междометий и рассмотренных здесь классов слов в значительной мере характерны одни и те же транспозиции. Эти классы слов, часто объединяемые под общим названием звукоподражания, в описаниях обычно сближаются с первообразными эмоциональными междометиями по формальным критериям, таким как отсутствие словообразовательных и словоизменительных признаков, (преимущественно) изолированная синтаксическая позиция, и некоторым другим. Но в первую очередь сближение это предопределено природой первообразных междометий, которые сами суть звукоподражательные копии внеязыковых эмоциональных выкриков человека. Вместе с другими классами звукоподражаний первообразные междометия составляют звукоподражательную подсистему, входящую в свою очередь в изобразительную систему языка²⁰. Тенденцию к широкому проявлению частеречных транспозиций можно считать, таким образом, общим свойством звукоподражательной системы русского языка. Следовательно, это свойство необходимо представлять и описывать в грамматиках, причем не в терминах окказиональных (случайных, вторичных, периферийных и т. п.) употреблений, а системно – например, с помощью хорошо разработанного понятия репрезентации.

Заключение

Еще М. В. Ломоносов заметил, что в качестве междометий могут употребляться слова, которые «приемлются от других частей слова (т. е. частей речи. – В. И.), или из них составляются»: *горе, бѣда, куды, о какъ!*²¹ Интеръективация, т. е. процесс перехода знаменательных слов в разряд междометий, часто обсуждается в специальной литературе²². В данной статье мы рассматривали обратный процесс – процесс перехода междометий в другие части речи (которому обычно уделяют меньше внимания).

Способы употребления междометий, о которых мы говорили выше, хорошо известны исследователям. О них упоминают в грамматиках и в специальной литературе. Но при этом они оцениваются как окказиональные, вторичные. То есть системный подход к описанию таких употреблений фактически отсутствует. В то же время такие формы, как, например, причастия, сохраняющие признаки глагола и одновременно приобретающие признаки прилагательного, оцениваются как «особая форма» или даже выделяются в отдельную часть речи. Однако причастия вместе с новыми признаками приобретают особые морфологические показатели, и это невозможно игнорировать в грамматике. Междометия же при употреблении в качестве подлежащего, дополнения или сказуемого обычно не приобретают никаких формальных показателей. Но, тем не менее, эти употребления никак нельзя назвать окказиональными (случайными), так как они охватывают весь класс междометий. Это уже не случайность, а закономерность. И так же, как в случае с причастиями можно было бы говорить об адъективной репрезентации глаголов, в данном случае можно говорить о различных транспозициях междометий: субстантивной репрезентации междометий, вербальной репрезентации междометий, предикативной репрезентации междометий и т. д.

На большем объеме примеров можно показать, с одной стороны, что междометия могут мимикрировать практически под любую часть речи, в том числе служебную. С другой стороны, с междометиями в этом смысле смыкаются другие классы слов, имеющие, как и междометия, звукоподражательную природу. Имеющиеся данные других языков, помимо русского, позволяют утверждать, что высокая способность к частеречной мимикрии есть закономерное свойство изобразительной системы языка в целом. Понимание этого факта вместе с использованием понятий транспозиции и репрезентации позволит преодолеть многие противоречия, имеющие место как в грамматических, так и в лексикографических описаниях.

Примечания

- 1 Такую крайнюю точку зрения, по-видимому, впервые сформулировал К. С. Аксаков в статье «О грамматике вообще» (1838): «Что же касается до междометия, то оно вовсе не есть слово» (Аксаков К. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 2 : Сочинения филологические, ч. 1. М., 1875. с. 7). Впоследствии работа А. А. Потебни «Мысль и язык» (1862) надолго закрепила за междометиями статус лингвистической периферии (См.: Потебня А. Мысль и язык. Харьков, 1892). Этот статус в целом сохраняется и сегодня.
- 2 В академических грамматиках междометия занимают «особое положение» в системе частей речи: не относятся ни к знаменательным, ни к служебным словам (См.: Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 1980. С. 731). В иных описаниях, однако, междометия по-прежнему исключаются из числа частей речи (См.: Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 530–531).
- 3 См.: Русская грамматика. Т. 1.
- 4 См.: Шаронов И. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009 ; Андреева С. Звуковые жесты в устной коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 19–22.
- 5 Наиболее последовательный, на наш взгляд, подход изложен в работах И. А. Шаронова (См.: Шаронов И. А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации ; Он же. Назад к междометиям // Материалы международного семинара «Диалог 2004» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2004. С. 660–665). Также необходимо отметить следующие работы: Добрушина Н. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий : дис. ... канд. филол. наук. М., 1995 ; Середя Е. Место междометий в системе частей речи : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- 6 В различных описаниях в том же значении используются также термины «слова-предложения», «междометные нечленимые предложения» и некоторые другие.
- 7 Здесь можно заметить, что пунктуация при подобных употреблениях весьма условна и может не отражать реального интонационного членения предложения. В частности, используемые знаки препинания совершенно не обязательно сигнализируют о наличии паузы в произнесении. Это замечание справедливо для многих следующих примеров.
- 8 См.: Шаронов И. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации. С. 50.
- 9 См.: Зализняк А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 2003.
- 10 См.: Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М. ; Л., 1950–1965.
- 11 См.: Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М., 1985–1988.
- 12 Мимикрия (греч. *mimikós* – подражательный) – один из видов покровительственной окраски и формы у животных, при котором наблюдается сходство животного с предметами окружающей среды, растениями или другими животными (См.: Шарова И. Мимикрия // Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 16 / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1974. С. 268–269). В данной работе слова «мимикрия», «мимикрировать» употребляются в качестве метафор.
- 13 См.: Аксаков К. С. Указ. соч. С. 6.
- 14 Размещение в отдельных формах признаков и функций разных частей речи часто называется частеречным синкретизмом (См.: Кузнецова А. Синкретизм частей речи в русском и уральских языках (к вопросу о специфике составления двуязычных словарей для языков разных типов) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня

- 2008 г.). Вып. 7 (14). М., 2008. С. 292–296). Термин «синкретизм» имеет наряду с данным и другие значения (См.: *Бабайцева В.* Синкретизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Яцева. М., 2002. С. 446). Частеречный синкретизм следует отличать от грамматической омонимии (омоформ).
- ¹⁵ См.: *Гак В.* Транспозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 519 ; *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 130–140.
- ¹⁶ См.: *Смирницкий А.* Морфология английского языка. М., 1959. С. 245–248.
- ¹⁷ При этом слова *ax* и *ox* сохраняют, конечно, и возможность междометного употребления.

- ¹⁸ См.: *Щерба Л.* Языковая система и речевая деятельность. М., 2004. С. 82.
- ¹⁹ Подобные контексты можно было бы назвать контекстами цитации, так как такие предложения можно «дополнить» глаголом речи, например, *воскликнуть: Татьяна воскликнула «ax!»...*
- ²⁰ Понятие «изобразительная система» языка введено С. В. Ворониным (См.: *Воронин С.* Основы фоносемантики. Л., 1982).
- ²¹ См.: *Ломоносов М.* Российская грамматика. СПб., 1755. С. 184.
- ²² См.: *Германович А.* Междометия русского языка : пособие для учителя. Киев, 1966. С. 21 ; *Серета Е.* Указ. соч.

УДК 82:81'22

О МЕТАСЕМИОТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

И. А. Шипова

Московский педагогический государственный университет
E-mail: schipowa@mail.ru

В статье дана краткая справка возникновения семиотического направления в лингвистических исследованиях, обозначены теоретические предпосылки метасемиотического подхода к анализу художественного текста. Предлагается возможная парадигматическая концепция метасемиотического анализа на базе эквивалентных, но разных значений, а также на базе антонимических оппозиций на материале художественного текста.

Ключевые слова: семиотика, метасемиотика, знак, план выражения, план содержания, художественный текст.

On the Metasemiotic Approach to the Analysis of Fiction

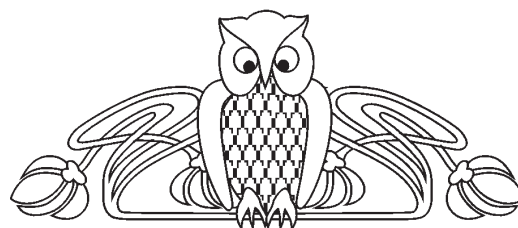
I. A. Shipova

The article gives a brief note on the origin of the semiotic trend in linguistic research. Theoretical prerequisites of the metasemiotic approach to the analysis of literary texts are specified. The author offers a possible paradigmatic concept of the metasemiotic analysis based on equivalent but different meanings, as well as on the antonymic oppositions on the material of a literary text.

Key words: semiotic, metasemiotic, sign, expression plane, content plane, literary text.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-41-45

Принципы семиотического подхода к разным видам человеческой деятельности присутствовали в науке задолго до того, как семиотика сформировалась в качестве самостоятельного научного направления благодаря работам американского исследователя Чарльза Сандерса Пирса (1837–1914), который ввел понятие знака, предложил классификацию знаков и определил задачи семиотики. В доказательство этому можно назвать имя древнегреческого философа Платона (427–347 гг. до н.э.), находившего связь между

предметами и обозначающими их словами, что, по мнению В. Н. Агеева, следует рассматривать как предпосылку возникновения идеи о знаковой природе языка¹. Семиотический подход к изучению знаковых систем проявляется и в логико-математических работах Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716)². А в предисловии к своей работе «Семиосфера» Ю. М. Лотман утверждает: «Семиотика возникла как самостоятельная дисциплина сравнительно недавно, хотя еще в XVII в. английский философ-материалист Дж. Локк очень точно определил сущность и объем семиотики (использовав именно этот термин)»³.

Данная тема затрагивается также в труде «История русской семиотики до и после 1917 года» Г. Г. Почепцова, который подчеркивает, что в России семиотика привлекала внимание отдельных исследователей еще в XIX в. В книге приведены имена А. Н. Веселовского (1838–1906), Н. В. Крушевского (1851–1887), А. А. Потебни (1835–1891) как наиболее значимых представителей филологической науки, обративших внимание на знаковость явлений в языке и художественном тексте. Уже на этом этапе разработки семиотических идей пришло осознание, что «теоретичность задает гораздо большую системность, структурность», а «хорошая модель не только позволяет описывать другой материал, но и преобразует упорядоченность основного материала, который предстает ... перед исследователем в иной, структурной своей ипостаси»⁴.

Ч. Моррис, Р. Карнапп, А. Тарский, Э. Кассирер – имена известных ученых, продолживших и развивших семиотическое направление в науке, основоположником которого считается